

Забодали страну выборами да обещанками...

— Мне всегда казалось, что творческие люди должны сторониться власти, какой бы она ни была. Братание хоть Есенина, хоть Маяковского с высокими начальниками показало: такой альянс ни к чему хорошему не приводит. Что вы думаете по этому поводу, Надежда Георгиевна?

— Абсолютно с вами согласна.
— А как тогда расценивать вашу поддержку Александра Васильевича Коржакова?

— Он меня пригласил в Тулу, я и поехала. Но поехала сама по себе. Понимаете? У них своя свадьба, у меня — своя.

— Их свадьба известна, а вот насчет вашей пользы любобольствовать?

— Для меня главное в жизни — концерты, выступления, встречи со зрителями, которые любят меня и без которых я не могу жить. За 25 лет работы меня никто никогда в Тулу не приглашал. Здесь всегда почему-то противились моему приезду. И вот наконец-то я исполнила свою давнюю мечту — приехала на тульскую землю. За что и благодарна Александру Васильевичу.

— Вы хотите сказать, что решали в Туле прежде всего свои творческие задачи?

— Я артистка, и поэтому самое главное для меня — творческие задачи.

— Тем не менее, думаю, вы не могли не понимать, для чего вас пригласил в Тулу Коржаков. И не могли хотя бы не слышать о том, что личность эта достаточно одиозная...

— А вы мне назовите хоть одну неоднозначную личность из современных политиков.

— Да, дело непростое. Но, полагаю, даже в этом списке одно из лидирующих мест принадлежит все-таки Александру Васильевичу — не всякий вчерашний охранник-фаворит да еще после достаточно скандальной отставки осмелится подняться в парламентарии.

— Вот вы сейчас, мне кажется, довольно пренебрежительно сказали “охранник”. А вы, наверное, и не знаете, что у него есть высшее образование. И вообще, он, быть может, не очень-то красноречив, но, несомненно, обладает внутренней культурой.

— Этих качеств, на ваш взгляд, достаточно, чтобы баллотироваться в Думу?

— Он честно работал, поддерживал президента даже тогда, когда тот был в опале. Кроме того, он всегда всего добивался сам. Я считаю его человеком незаурядным, талантливым. А вы нет?

— У меня несколько иные представления о природе и качестве таланта. И вообще, Надежда Георгиевна, я думаю, читателей сейчас интересует не столько богатый внутренний мир Коржакова, сколько его политические амбиции. Как вы полагаете: он действительно хочет помочь Туле, России, всем нам или его сегодня в большей степени волнует депутатская неприкосновенность, своего рода надежная “крыша”?

— А то вы не знаете, что у нас “депутатская неприкосновенность” — это мыльный пузырь. Если понадобится убрать человека, его спокойно и тактично уберут, и никакая Дума не пикнет.

— А не может ли речь идти тогда о честолюбивой жажде реванша человека, еще недавно очень влиятельного?

— Нет. Коржаков — настоящий мужик. Он решил начать жизнь с нуля, и ему нужно дать такой шанс. А если кто считает, что он в чем-то виноват, то прежде всего вину нужно исправлять трудом, покаянием, а не отсиживанием в тени. Меня

удивила одна фраза Александра Васильевича: “Если я проиграю в Туле, то все равно выиграю в России. Я буду бороться и обязательно принесу пользу своей стране”. Он ведь не случайно выбрал Тулу. Думаю, ему предлагали и другие регионы.

— Где предлагали — на рынке?

— Да нет, конечно, просто были еще варианты. Однако он выбрал Тулу, где полная безнадега. Видно, что местным властям все до фонаря. А как уж нас бойкотировали — воровали аппаратуру, выключали свет, площадок не давали. Вот как дружно набросились на Коржакова! Не нужен им чужак...

— А может, дело не в этом? Может, просто понимают, что Александр Васильевич не самый нравственный, скажем так, человек — со всем превышением своих полномочий (достаточно вспомнить, как он давал указание премьер-министру), угрозами компромата, жадной мести...

— А вы откуда это знаете?

— Газеты читаю, телевизор смотрю.

— А я вот никогда никого не сужу. И уж тем более не верю средствам массовой информации — они все врут. Меня вообще разборки не интересуют. Где гарантии, что правы те, кто поливает грязью Коржакова? Я по роду своей работы хожу и по тем, и по этим кабинетам. Для меня все мы — люди России. Не нам с вами судить, каким депутатом будет Коржаков. У него есть своя голова на плечах, и хорошая голова. И вообще — мы имеем тех правителей, которых заслуживаем. Так что же мы мусолим эту тему?

— Верно, давайте помусолим другую, ну, например, морально-нравственную. Вы в числе первых звезд нашей эстрады вдохновенно поддерживали Ельцина во время его предвыборной кампании. Сейчас вы с таким же рвением агитируете за его, мягко выражаясь, оппонента. Как можно объяснить такую эластичность?

— Давайте начнем с того, что мне не нравится в вашем вопросе слово “агитируете”. Я только пела, только встречалась с туляками и ни одной речи в защиту Коржакова не произнесла.

— Но вы ведь, вероятно, отдавали себе отчет, что уже одно ваше присутствие на сцене, не говоря о коллективном письме за подписью пяти звезд отечественной эстрады, работает именно на Александра Васильевича?

— Да, я все прекрасно понимала. А вот почему я начиная с 9 февраля должна постоянно давать объяснения прессе — не понимаю. С какой такой радости? Я что, совершила преступление? Разве выборы проходили подпольно, никто о них не знал? Или что-то там незаконное происходило? У нас в стране нет вообще ни одного нормально принятого закона. Каждый депутат с периферии прежде всего, приезжая в Москву, занимается собственным обустройством. И — прощай Тула навеки! А Коржакову хотя бы ничего не надо — у него есть квартира, положение.

Как русские, пламенно и нежно, любят звезды отечественной эстрады Александра Васильевича Коржакова. Вот только несколько цитат, свидетельствующих о глубине чувств. Г. Хазанов: “Ни у кого из людей власти нет такого чувствующего сердца. Его судьба сложилась закономерно, потому что щемящее сердце и власть не всегда понимают друг друга”. В. Винокур: “Уверен, из всех кандидатов только Александр Васильевич имеет сегодня реальную возможность практически (а не болтовней) помочь своим избирателям”.

Столь же истово подписантов-коржаковцев возмущает шумиха, поднятая в прессе. Л. Леценко негодует из прекрасного заграничного далека. А. Абдулов вообще пребывает в раздраженном недоумении: что же за событие такое из этого сделали?

И только отважная Надежда Бабкина, единственная женщина в боевой пятёрке, согласилась дать интервью корреспонденту “ЛГ”. Его-то мы и предлагаем вниманию читателей.

Пусть работает.

— Вы все-таки не ответили на вопрос о вашей поддержке одновременно и Ельцина, и Коржакова.

— Не волнуйтесь, ответчу. Это абсолютно разные вещи. Выборы президента — это не выбор депутата в Думу.

кулисы, многие плакали, и я плакала вместе с ними. Ведь сегодня нормальному зрителю не по карману пойти на звезд, а здесь пожалуйста, все бесплатно.

— Да еще водочку в качестве самой наглядной агитации раздают. Я имею в виду не на ваших концертах, а в Туле, во время предвыборной кампании.

— Бросьте вы. Как будто бы можно кого-нибудь водочкой соблазнить. Забодали страну выборами да обещанками. Люди уже никому не верят. А Александру Васильевичу доверили. Ему нелегко пришлось в Туле, думаю, он много неприятного услышал в свой адрес. Но я видела, как он общался с людьми. Он хорошо поработал и поэтому заслуживает уважения.

— Важнее, по-моему, как он будет работать в Думе. Наш парламент и так гибнет от непрофессионализма. А Коржаков профессионалом законотворчества — пока, во всяком случае, — трудно назвать.

— А шахматиста Карпова легко назвать думским профессионалом?

— Нет, нелегко.

— А почему же тогда пресса молчит о его предвыборной кампании, о том, что с ним в Туле был Михаил Боярский?

— Наверное, потому, что Карпов проиграл.

— Значит, лучше проиграть, чем выиграть?

— Лучше жить в стране, где каждый занимается своим делом. Так, например, как это делаете вы. Но скажите, Надежда Георгиевна, если в следующий раз вас труба позвет в поход — хоть труба, скажем, Явлинского, хоть Зюганова, — вы опять ринетесь решать свои творческие задачи таким экстравагантным способом?

— А почему бы и нет? Кстати, ни Зюганов, ни Явлинский меня не приглашали, хотя у них была такая возможность. Знаю, что летом с Зюгановым ездили очень достойные артисты народного жанра. Но меня он не приглашал, у него, видимо, другие предпочтения. А позовут — поеду. И буду петь для людей.

— А вдруг кому-нибудь придет в голову упрекнуть вас во всеядности?

— Почему? Я не всеядна. Фашистов я никогда не буду поддерживать, а нормальные партийные течения — пожалуйста. Не нужно артистов втягивать в политику. У них своя политика. Не нужно.

— Да вы же сами втягиваетесь — своим авторитетом, талантом, честно заработанным именем. Вам ведь, насколько я знаю, никто не помогал, а судьба у вас нелегкая, верно?

— Еще какая нелегкая. Все было в моей жизни — и подъезды приходилось мыть, и лед колоть. И в партию ни за что не хотели принимать — лицом, видать, не вышла. А позже, лет через пять, прислали заявку — иди, мол, Бабкина в партию. А я уже не хочу в нее вступать. Тогда пригрозили — карьеры тебе не видать. Но скверно эта затея кончилась: через год получила строгий выговор — за плохую воспитательную работу в своем коллективе. Человек провез за границу аж 50 рублей...

— Зато недавно вам прочли чуть ли не портфель министра культуры — может, с подсказки Александра Васильевича?

— Смешно! Меня просто смех разбил от этих слухов! Впервые до меня они дошли в санатории, где я отдыхала. Подходит человек ко мне и говорит: вам ведь предложили портфель министра культуры? Да, отвечаю, мне предложили портфель, а он мне маловат, мне чемодан нужен. А чемодан-то не подготовили. Так что неувязочка получилась.

— А если подготовят чемодан, пойдете в правительство?

— Ни за что. Я обожаю свою профессию. Вы знаете, что это такое, когда концерт прошел, люди встают, и у них слезы на глазах. Вот в той же Туле пришла за кулисы бабуля, перекрестила меня и стала целовать сцену, где мы стоим. Я не сдержалась, тоже упала на колени, мы вместе плакали, а она все повторяла — спасибо, дочка, за то, что ты нам все про нас рассказала.

— А с властями у меня роман никогда не складывался. Не случайно ведь трижды моя фамилия стояла в списке на соискание Государственной премии России и трижды ее из списка выбрасывали.

— А кому вы мешаете?

— Меня тоже этот вопрос волнует.

— Куда же раньше смотрел Коржаков, к которому вы так тепло относитесь?

— При чем здесь он?

— А при том, что, думаю, в недавние времена ему было достаточно глазом моргнуть, чтобы вам дали Государственную премию.

— Он порядочный человек и не станет лезть не в свое дело.

— Но вы были с ним хорошо знакомы?

— Да, конечно. Я с ним часто встречалась и тогда, когда он работал с президентом, и позже. Мало ли в каких кругах нам, артистам, приходится встречаться. А он любит мои песни, знает их. Мне даже стыдно было, когда он говорит: ты, Надя, тут куплет пропустила. Сам он хорошо поет, негромко, но хорошо и чисто. И вообще, давайте больше не будем соваться в его душу.

— А у меня и нет таких поползновений. Я все больше пытаюсь вас понять, а не Коржакова. Вы что, не подозревали о той реакции, которую вызовет высадка вашего звездного десанта в Туле?

— Да нет, конечно. Наоборот, думала, туда приедет ТВ, журналисты, увидят, что лично я там делаю, будут со мной разговаривать. Разве могла предположить, что нас потом с Коржаковым начнут по стенам размазывать? Вот вы, например, почему не приехали в Тулу, почему не посмотрели своими глазами, как там все

происходило, а только теперь меня допрашиваете?

— Не звали.

— А вы бы сами поехали, увидели бы, как там люди живут. Если во Владимире кастролями зарплату платят, то тут ее не платят вообще.

— Стрелковым оружием, которое здесь производят, пока еще, к счастью, зарплату не додумались платить.

— Вот именно. Люди почти что голодают, а везде раздраз, свары и выяснение отношений. У нас же великий народ и великая страна. Что за кару такую на нас наслали, за что?

— Кто наслал?

— Подумайте сами, вы же все-таки журналист.

— Обещаю подумать. Но с трудом понимаю и другую вещь. Вот все говорим о величии России, а где оно? Может, лучше быть не такими уж великими, да зарплату не кастролями получать?

— А великий народ зомбируют.

— Кто?!

— Думайте сами. Истребление России — сознательная акция. Все талдычим о свободе. Но ведь в демократическом обществе нет борделя и бардака, а есть уважение друг к другу, к разным политическим направлениям. Мы развиваемся в кругу, а не по спирали, как того требуют законы цивилизованного мира. Если у стержня, а его у нас нет, то спираль падает. Сегодняшнее состояние России — самая больная тема. А вообще надо прежде всего думать о душе. Иначе мы все просто выйдем.

— Да не то страшно, что мы выйдем, а то, что некому будет агитировать и голосовать за депутатов.

— Они просто не понадобятся тогда. Тем более что и сейчас от них не так уж много толку.

— На том и порешим.

ВЫПИСЫВАЙТЕ
С ЛЮБОГО МЕСЯЦА
ПОКУПАЙТЕ
ПО СРЕДАМ
ЧИТАЙТЕ
ВСЮ НЕДЕЛЮ